

Эмма Выгодская

ДВА ИДАЛЬГО

RUGRAM

Москва
2023

Издатель Иванов В. Ю.

УДК 821.161.1

ББК 84.4

В92

Выгодская, Э.И.

В92 Два идадьго: сборник; Капитан Кортес: повесть; Алжирский пленник (Необыкновенные приключения испанского солдата Сервантеса, автора «Дон-Кихота»): повесть / Эмма Выгодская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 458 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-90460-0

В сборник вошли две историко-приключенческих повести Э.И. Выгодской о двух всемирно известных испанцах. «Капитан Кортес». Историческая повесть об Эрнандо Кортесе де Монрой (1485-1547) — конкистадоре, завоевателе Мексики. Это первая часть повести, к сожалению, окончить ее Эмма Выгодская не успела. «Алжирский пленник». Романтическая и трагическая судьба великого испанского писателя и драматурга Мигеля Сервантеса де Сааведра (1547—1616). В 1575 году, возвращаясь из Неаполя, Мигель и Родриго Сервантесы, попали в плен к алжирским пиратам. Через 2 года семье удалось найти деньги на выкуп Родриго. Будущий автор «Дон Кихота» провел в плену 5 лет. За это время он 4 раза пытался бежать. И дальнейшая жизнь Сервантеса, нелегка. Автор воссоздает странствия по выжженным солнцем испанским дорогам обедневшего гидуальго, в котором уже проступают увиденные им однажды в зеркальной поверхности горного озера черты «рыцаря печального образа».

BIC FA

BISAC FIC000000

© Выгодская Э., текст, 2023

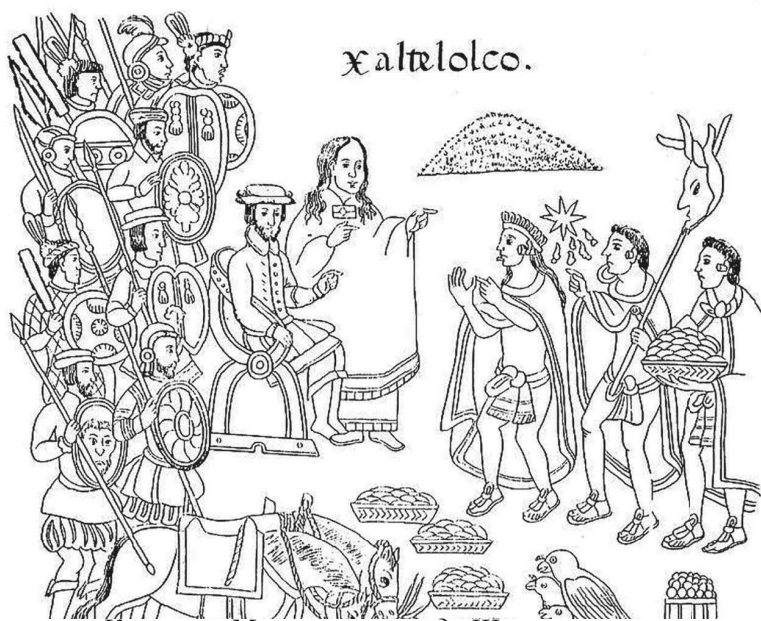
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В. Ю., 2023

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90460-0

КАПИТАН КОРТЕС

Кортес и Малинче в городе Шалтелолько.
Тласкаланское изображение XVI века

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛОПЕ БЕНИТО САНЧЕС

Человек бежал ночью с острова в море, в беспокойную погоду, на индейской лодке. Никто не видел, когда и как он пробрался из крепости на пустынный берег, как успел сговориться с гребцом-индейцем. Они отплыли перед самым рассветом, в час, когда спали даже крепостные собаки. Только поздно утром спохватились часовые, но не нашли уже ни следа на берегу, ни темной точки на горизонте. Беглеца звали Лопе Бенито Санчес.

Утром волнение на море усилилось. Большая лодка из цельного ствола шла, неуклюже покачиваясь на волнах. Гребец-индеец греб стоя; Лопе Санчес сидел на днище лодки. Индеец поднимал то один, то другой конец единственного весла, лодка шла тихо, тупым носом зарываясь в волну. Волна крепла, лодку раскачивало все сильнее. Лопе посидел недолго, потом привстал и взял весло из рук индейца.

Путь был недалекий, но трудный: с острова Черепахи к форту Мира, на Эспаньолу, семь — восемь морских миль под ветром, в открытом море. Только индейцы отваживались иногда пускаться на лодках в такой путь. Решился и Лопе Санчес.

Двое людей гребли весь день, до темноты. Упрямая волна поднималась все выше, все сердитее; у Лопе ныли плечи, горели ладони, он то греб, то отдавал весло индейцу, а сам валился на днище лодки. Берег был недалек, но их относил все время восточным ветром, и лодка, казалось, не двигается вперед. Ночь Лопе Санчес помнил плохо, волны рвали весло из рук, лодка тяжело скрипела. Раз два тихо вскрикнул индеец: казалось, весло вот-вот выпадет из рук. Лопе сжимал зубы и не отдавал весла волнам.

Утром снова греб индеец. Солнце поднялось, зеленым ядовитым блеском наполнилось море от края до края,

солнце беспощадно жгло голову и плечи. Индеец греб и греб, пока не свалился на доску, приколоченную с борта на борт. Лопе накрыл индейцу голову и спину обрывком парусины, черным от смолы, и снова взял весло в руки.

Так они плыли много часов по бурному морю. Валы вставали все сильнее, все круче; море темнело, потом светлело, качка усиливалась, потом опять слабела, а они все плыли вперед и вперед. Лопе не помнил уже, через сколько долгих часов пути, наконец, приблизился берег.

Очертания острова Черепахи скрылись позади. Перед ними высоко поднялись вершины дальних гор Эспаньолы, блестящие и белые на солнце. Потом показались полосы рифов и пена бурунов.

— Берег! — сказал Лопе.

Индеец привстал, отвел весло, посмотрел вперед, и тут, впервые, Лопе увидел испуг на его неподвижном лице.

В этом месте берег Эспаньолы мысом выдавался в море. Редкие пальмы росли на мысу у самой воды. В центре пальмы расходились неровным полукругом, и там Лопе увидел что-то вроде прохода, по обеим сторонам которого расположились острые камни, а между ними кипели буруны.

Это был мыс Пальмовая Карусель, самое опасное место по всему скалистому северо-западному берегу острова Эспаньолы. К воротам Пальмовой Карусели прибило океанским ветром первые суда испанцев, подошедшие к Эспаньоле со стороны острова Черепахи, и из пяти каравелл две погибли. Еще несколько судов, разбилось у Пальмовой Карусели, пока испанцы не научились поворачивать на юг еще в открытом море и огибать опасный мыс задолго до того, как можно было разглядеть с мачты белую пену бурунов.

Но Лопе этого не знал; не знал, должно быть, и гребец-индеец; и теперь ветер гнал их прямо на рифы.

Лопе уже хорошо различал берег, полосы рифов, стволы пальм, гнущиеся под напором ветра. Он попытался резко повернуть, но едва не опрокинул тяжелую лодку. Индеец молча оттолкнул Лопе, взял весло у него из рук и с силой погреб обратно от берега. Жилы надулись у индейца на неподвижном лице, на шее, пересеченной черными и красными полосами племенного рисунка. Индеец греб назад, но ветер гнал их вперед, и лодка точно завертелась на месте. Нет, она все же медленно приближалась к берегу. Ветер гнал волны, уже слышно было, как ревет прибор у ближних рифов. Их гнало прямо на берег, на камни.

— Правее!.. Санта Мария, гребь правее! — закричал Лопе.

Но индеец тряс головой. Никакая сила не могла бы уже удержать лодку вдали от берега; она поворачивалась сама и, кренясь, шла на буруны.

Индеец крикнул что-то, показывая на воду. Потом кинул весло на дно лодки.

— Да! — сказал Лопе. Он понял индейца. — Прыгай!

Индеец прыгнул в воду, ушел в волны с головой, потом выплыл и, загребая к берегу, повернул голову, точно приглашая и Лопе. Так было вернее: лодку разобьет о камни, а вплавь можно добраться живым. Но Лопе смотрел на волны колеблясь. Он не боялся воды. Но как плыть в одежде? Индейцу хорошо, ему нечего терять, кроме своих красных и черных полос на коже. А как быть ему, Лопе? Два арбалета, меч, пояс, панталоны, плащ... Неужели все отдать морю? А шпага, стальная подруга? Нет, он останется в лодке. Лопе ту же затянул кожаный пояс и взялся за весло.

Еще минут десять — пятнадцать он боролся в виду берега, отгребая назад и поворачивая лодку наперерез волне. Так он держался на одном месте, потом ослаб и сам не помнил, как у него выскользнуло весло из рук, как лодку вдруг неотвратимо понесло на берег. Начинался при-

лив.

Лодку несло среди пены и рева, потом с ужасным треском ударило о камень, а Лопе выкинуло за борт. Он успел ухватиться за скользкий камень и ждал волны. Волна набегала сзади, огромная, как дом, и Лопе видел, как она идет на него.

— Санта Мария! — сказал Лопе. — Санта Мария, пречистая дева!..

Никогда еще до того Лопе не знал, как силен удар океанской волны. Он оглох, ослеп, задохнулся. Руками он вцепился в скользкий камень, приник к нему, прилип всем телом — и удержался. Труднее всего было, когда волна откатывалась назад: она тянула его за собой в море. За первой бежала вторая, за второй — третья. Кровь сочилась у Лопе из пальцев, рассаженных о камень. Кое-как, обдирая руки, Лопе перебрался на другой, соседний, камень, побольше первого. Так, от камня к камню, пережидая волны, терпя удары, Лопе подобрался ближе к берегу и скоро нащупал под собою дне. Еще и здесь его раза два опрокинуло навзничь волной и потащило назад, в море. Но тут уже всякий раз он быстро вставал на ноги, плыл, полз и вышел на берег.

Индеец давно ждал его на берегу. Он сидел на камне и растирал мокрое, озябшее тело какими-то жесткими листьями. Солнце выглянуло из-за скал и согрело их обоих. Лопе стоял мрачный и смотрел на море. Арбалеты погибли! Оба, вместе с лодкой. Два добрых толедских арбалета! Он с таким трудом добыл их у часового. И меч — сколько раз в бою он выручал его! Теперь все — на дне моря. Лопе ощупал пояс. Шпага цела! Чудо, — не сломалась о камни, даже не погнулась. Морская соль осела на старом камзоле, на коротких солдатских панталонах. Лопе разостлал мокрый плащ и сел погреться на солнце. Нельзя явиться в Сант-Яго голым и нищим. Кому нужен такой солдат для армады — безоружный, в рваном плаще, голь... Лопе осмо-

трел плащ. Еще послужит добротное сукно из Альмари. Весь материковый поход проделал он в нем, от Дариана до Южного моря. Плащ хорош, а вот камзол очень стар, отслужил службу. Четыре индейских стрелы проткнули его в разных местах, изорваны полы, потерт воротник.

Лопе вздохнул: отслужил службу камзол, надо добывать новый.

Лодку швыряло в море о камни. Индеец все ждал, он еще надеялся отнять ее у моря. Они дождались конца прилива, и индеец выловил лодку почти у самого берега, легко прыгая с камня на камень. Лодка была прочная, из цельного ствола, волны не разбили ее. Но весло пропало!

Ветер затих, море лежало перед ними гладкое, распаренное, как теплое молоко в чашке. Лопе с индейцем пошли берегом, волоча лодку за собой, миновали опасное место, обогнули мыс и снова сели в лодку. Индеец отодрал перекидную доску и греб ею, как веслом. Так они поплыли вдоль берега.

Море с подветренной стороны острова было совсем тихим, точно вовсе не буйствовало двое последних суток. Долго плыли они, держась берега. Лопе вглядывался в пустынный берег, в заросли поодаль. Когда вдали, высоко над лесом показался большой белый крест, сколоченный из досок, индеец молча причалил к берегу. Лопе выпрыгнул на мокрую гальку.

— Спасибо, друг! — сказал Лопе. — Я заплачу тебе. Он порылся в поясном кармане, достал маленький ножик без ножен, с бронзовой ручкой, подкинул на руке, вздохнул и протянул индейцу. — Бери!

Индеец взял, покорно улыбнулся, взмахнул своей доской и отчалил. Индеец привык не обижаться, если белые люди дают мало, и молчать, если ничего не дают. Он поплыл той же дорогой домой, второй раз рискуя жизнью, от берега Эспаньолы обратно к острову Черепахи.

— Прощай, индио!

Индеец уплыл. Лопе заторопился к лесу, — солнце стояло уже низко.

Лопе шел быстро; он узнавал знакомые места. Вот лес повырублен, вот следы костров, обгорелые сучья; вот кучки пепла на месте сожженной деревни. А вот и ров, и башня из бревен, и высокий частокол старого форта. Здесь, в служебных тростниковых домах, жили солдаты гарнизона, здесь был у Лопе старый друг — Гонсало Перес, товарищ по-материковому походу.

Две огромные черные овчарки с лаем бросились на Лопе, но, обнюхав, отошли. Испанцев здешние собаки не трогали. Лопе разыскал дом и окликнул Гонсало в низкое незастекленное окно, похожее на прорез в стене. Гонсало все понял, ни о чем не спросил и впустил Лопе в хижину.

В открытой ветрам, неудобной бухте, у самого берега, на глубоком месте стояла ветхая черная каравелла.

— Вовремя пришел! — сказал Гонсало. — Завтра утром уходит в море.

Ночью Лопе пробрался на каравеллу и лег на носу. Гонсало накрыл его старым, брошенным парусом.

— Ничего, Лопе, бодрись! — тихонько сказал Гонсало. — Долговая тюрьма — не позор солдату. Попадешь в армаду — добудешь денег и славу, и новый камзол.

— Пускай дьявол уносит мою душу в ад, — сказал Лопе, — если я не попаду в армаду.

— Помоги тебе бог и святой Яго! — Гонсало дал товарищу круг жесткого индейского хлеба и ушел.

Утром судно отплыло. С рассвета шел дождь; парусина над Лопе обмякла; он боялся, что под ней обозначится его тело, и лежал тихо, не шевелясь, боялся дышать. Один раз кто-то наступил ему на руку, но Лопе стерпел и боль. Весь день и всю ночь шел дождь, теплый, сильный, какой редко бывает в этих местах в ноябре. Все попрятались в за-